

Вадим Журавлев

**«Присвоив таковому лицу наименование
Верховного Правителя»: К вопросу о титуле,
принятом адмиралом А.В. Колчаком 18 ноября
1918 г.¹**

Одним из центральных элементов системы репрезентации государственной власти, безусловно влияющим на ее распределение и осуществление, является именование носителя верховной государственной власти. Данная проблема неоднократно ставилась в отечественной исторической науке применительно к различным этапам русской истории (периоду средневековья, новому времени, началу XX в.). А.И. Филюшкин, автор новейшей монографии по истории титулатуры русских государей с древнейших времен до XVI в., говорит даже о «титоловедении» как об особом направлении исследований [Филюшкин 2006: 9]. Что же касается вопроса о титуле главы крупнейшего антибольшевистского режима периода Гражданской войны, претендовавшего на роль единственного законного главы Российского государства и признанного в этом качестве всеми «белыми» регионами, то он никогда не становился предметом специального рассмотрения. Однако попутно ряд

**Вадим Викторович
Журавлев**
Новосибирский государственный
университет

---

¹ Работа выполнена при поддержке РФНФ (исследовательский проект № 07-01-551а «Органы государственной власти сибирской контрреволюции в годы гражданской войны: новые исследовательские проблемы и документальные источники»).

авторов высказывались по поводу происхождения и смысла данного звания.

Так, И.Ф. Плотников, отметив, что «обывателю титул, звание, должность „Верховный Правитель“ мало о чем говорили и говорят», утверждал, что этот «высокий должностной титул <...> пришел из глубин российской истории, был вполне понятным когда-то как наивысший и почитаемый», а обстановка Гражданской войны и повсеместного многовластия лишь сделала эту традиционную институцию «вновь привлекательной» [Плотников 1998: 8]. В качестве обоснования данных положений И.Ф. Плотников привел два аргумента. Во-первых, он сослался на В.И. Даля который, якобы «непрерывно связывал» слово «верховный» с понятием власти. Во-вторых, И.Ф. Плотников высказал мнение, что и ранее «в истории российского государства выдвигались лица, являвшиеся официально или неофициально верховными правителями его: царица Софья Алексеевна, светлейший князь А.Д. Меншиков и др.».

Подобного рода аргументация не может вызвать ничего, кроме недоумения. Очевидно, что использование В.И. Даля словосочетания «верховный правитель» в качестве иллюстрации употребления в русском языке имени прилагательного «верховный» никак не может свидетельствовать об историческом бытовании в России этого словосочетания в качестве некоего «наивысшего и почитаемого» титула¹. То же, что до 1918 г. ни один из деятелей русской истории никогда официально не титуловался «верховным правителем» и что не существовало таким образом именованной должности, является фактом, легко поддающимся проверке. Несколько сложнее ситуация с неофициальным именованием, но приводимые И.Ф. Плотниковым примеры демонстрируют лишь крайне слабую ориентацию данного автора в «глубинах российской истории».

Другую попытку обосновать традиционность рассматриваемого титула предпринял правовед А.Б. Зубов. Он высказал мнение, что понятие «Верховный Правитель» являлось не новацией колчаковского законодательства, а категорией Основных законов Российской империи. Речь шла о нормах третьей главы Основных государственных законов («О совершеннолетию Государя Императора, о правительстве и опеке», ст. 40–52), опубликованных в томе первом Свода законов издания 1906 г. [Зу-

---

¹ Кроме того, В.И. Даль вовсе не связывал «непрерывно» понятия «верховный» и «власть». Достаточно обратиться к соответствующей статье словаря, чтобы увидеть, что Даль приводил там в том числе и следующее истолкование: «спряденный или сотканный из верховья, из первых льняных вычесок» [Даль 1989: 184].

бов 2000]¹. При этом А.Б. Зубов не рассматривал исторические обстоятельства, связанные с обращением законодателей «белого» Омска к указанной «категории Основных законов».

Данную точку зрения оспорил А.С. Кручинин, отметив ее недостаточную историческую фундированность и приведя в обоснование своей критики ряд аргументов. Во-первых, он обратил внимание на то, что терминологическое совпадение между титулом «Верховного Правителя» и наименованием предусмотренной Основными законами должности «Правителя» являлось неполным. Во-вторых, «смысл соответствующего государственного поста и порядок его занятия <...> не имеют ничего общего с тем, что произошло в Омске 18 ноября 1918 г.». В-третьих, «конституция» установившегося в Омске режима допускала интерпретацию о разделении Верховным Правителем полноты власти с Советом министров, что, по мнению исследователя, разительно противоречило Основным законам. Наконец, следование букве Основных законов «явно обозначало бы» реставраторские тенденции, в которых «те, кто принимал решение об облечении адмирала властью Верховного Правителя», не могут быть заподозрены, так как в подавляющем большинстве они являлись «левыми конституционными демократами, правыми или „мартовскими“ <...> социалистами и неустойчивыми либералами» [Кручинин 2004а: 46–47].

Три последних тезиса не выглядят бесспорными и сами нуждаются в аргументации. Отвергнув мнение А.Б. Зубова, А.С. Кручинин не высказал никакого иного объяснения генезиса титула А.В. Колчака, если не считать указания на прецедент принятия 9 июля 1918 г. генерал-лейтенантом Д.Л. Хорватом титула «Временного Правителя».

По поводу политической роли колчаковского титула в прямо противоположном смысле высказывались также Дж. Смил и В.И. Шишкин. Первый, рассуждая о попытке колчаковской власти «сохранить внешнюю видимость гражданского духа», писал, что «сам по себе титул „Верховный Правитель“ был выбран вместо более грубого „диктатор“, чтобы смягчить негативное впечатление, произведенное военным переворотом на «потенциальных скептиков» [Smele 1997: 109].

¹ Характерно, что спустя четыре года это мнение использовалось в политической публицистике уже в качестве непреложного факта: «Ведь и Колчак был провозглашен не каким-нибудь „белым президентом“, а „Верховным Правителем России“ — потому что именно так, согласно „Основным законам“ 1906 года (т.е. дореволюционной конституции), должен был именоваться временный глава Государства Российского в ситуации, если не станет царя» [Шешунова 2004: 64].

В.И. Шишкин, напротив, перечисляя политические последствия омского переворота, отметил, что «с принятием Колчаком звания Верховного Правителя коммунистическая агитация получила дополнительные основания для обвинения своих противников в намерении реставрировать монархию» [Шишкин 1997: 7–14]. Однако исследователь не раскрыл причин того, почему принятие данного звания могло использоваться как повод для обвинений в реставрации.

Таким образом, можно констатировать, что в исследовательской литературе не существует ответа на вопрос о происхождении титула Верховного Правителя, принятого адмиралом А.В. Колчаком утром 18 ноября 1918 г. после произошедшего в Омске государственного переворота, причем именно неясность его генезиса составляет основное затруднение на пути интерпретации его идеологической нагрузки. Последнее особенно рельефно выступает на фоне иных титулов-новаций времен революции и Гражданской войны. Именования **комиссаров** Временного правительства и Советской республики, **гетмана** Украинской державы, **воевод** Приамурского земского края имели ясные и очевидные для всех исторические и идеологические коннотации. Происхождение же и семантика колчаковского титула неясны. Основной целью настоящей статьи и является попытка реконструкции исторических и культурных контекстов, послуживших источниками титула Верховного Правителя.

* * *

Февральская революция ознаменовалась переходом от единоличной организации верховной власти к коллегиальной. Последняя представляла собой наглядную антитезу базовому принципу политической организации свергнутой монархии и, кроме того, казалась удобной формой для режима, основанного на коалиции разнородных политических сил. Повсеместно признавалось, что, говоря словами Б.В. Савинкова, «власть революционная не может быть властью единоличной» [Революционное движение 1959: 451].

Однако уже начиная с июля 1917 г. осознание нарастающего кризиса режима Временного правительства приводило политическую элиту к мысли о желательности или угрозе (в зависимости от политических позиций) реорганизации верховной власти в стране на принципах единоначалия. Подобные страхи и надежды концентрировались преимущественно вокруг двух фигур — министра-председателя Временного правительства А.Ф. Керенского и Верховного Главнокомандующего генерала от инфантерии Л.Г. Корнилова.

С самого начала революции чрезвычайно распространенным было именование А.Ф. Керенского «вождем» [Колоницкий 2001: 315]. Сам министр-председатель неоднократно употреблял по отношению к себе такие выражения, как «верховный глава» власти, «верховный вождь» армии [Государственное совещание 1930: 13–15; Иоффе 1989: 110]. Однако при этом в полном соответствии с духом революции Керенский не забывал указывать, что он выступает в этой роли не как отдельное лицо, а «как член Временного правительства», «волею революции» обладающего «всею полнотою власти» вплоть до созыва Всероссийского Учредительного собрания [Известия ВЦИК 1917].

В августе 1917 г. в ходе обсуждений того, как преодолеть паралич власти, шедших в ближайшем окружении генерала Л.Г. Корнилова, по той же причине неадекватности революционным ценностям «установление единоличной диктатуры было признано нежелательным» [История Гражданской войны 1930: 334]. Более соответствующим ситуации признавалась передача Временным правительством полномочий верховной власти вновь учреждаемому коллегиальному органу в составе председателя, его заместителя и четырех членов — Совету народной обороны. «Этот Совет обороны должен был осуществить коллективную диктатуру» [Иоффе 1989: 110]. Таким образом, после планируемой реконструкции верховной власти глава режима должен был именоваться «председателем Совета народной обороны».

Уникальным случаем отхода от идеи коллегиального построения революционной власти был написанный «под Керенского» проект закона об организации временной исполнительной власти при Всероссийском Учредительном собрании. Он был разработан в сентябре — начале октября 1917 г. особой комиссией, образованной в составе Юридического совещания при Временном правительстве. Данный законопроект предусматривал сосредоточение всех основных рычагов власти в руках избираемого Учредительным собранием сроком на один год «временного президента Российской Республики» [Тоболлин 1928: 117–119]. Однако не случайно, что работы комиссии носили закрытый для общества характер и результаты ее трудов остались неизвестными широкой публике [Смыкалин 2002].

Термин «правитель» в текстах, относящихся к рассматриваемому периоду, не встречается. Единственное известное нам исключение представляет его употребление в воспоминаниях полковника С.Н. Ряснянского. Рассказывая о конфиденциальной встрече в конце июля 1917 г. генерала Л.Г. Корнилова

с членами президиума Главного комитета Союза офицеров армии и флота, С.Н. Ряснянский писал, что ответы главноверха были поняты участниками встречи как согласие на то, чтобы «со временем стать „правителем“»¹. Однако скорее всего в данном случае употребление интересующего нас термина носит характер анахронизма².

Итак, с одной стороны, сама идея единоличной организации всероссийской верховной власти в политико-правовом дискурсе периода Февральской революции была в некоторой степени представлена. С другой — разительное противоречие господствовавшим умонастроениям и политической ситуации не давало возможности ее откровенного высказывания. Интересующий нас термин не был заимствован из политической речи «февральской» России.

* * *

Октябрьская революция, разгон Всероссийского Учредительного собрания и укрепление большевистской власти в центре страны толкали противников установившегося режима к переносу своей активности на окраины государства. Однако лидеры возникавших очагов сопротивления, локальных либо региональных по своим масштабам, достаточно долго официально не выдвигали претензий на всероссийский характер своей власти. Лишь к лету 1918 г. эта ситуация начала меняться, в частности, на Дальнем Востоке возник центр власти, важный с точки зрения истории интересующего нас титула.

9 июля 1918 г. комиссар Временного правительства в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги, председатель правления КВЖД генерал-лейтенант Д.Л. Хорват, вступив во главе подчиненных ему войск на российскую территорию и заняв Гродеково, пограничную с Китаем станцию Никольско-Маньчжурской железной дороги, обратился к населению со специальным воззванием. Этим актом Д.Л. Хорват объявлял о решении «взять на себя всю полноту государственной власти впредь до восстановления, при содействии народа, порядка в стране и до созыва свободно избранного Учредительного собрания». Право на власть Хорват обосновывал своим уникальным положением «единственного оставшегося

---

¹ Содержащая термин «правитель» цитата из неуказанных воспоминаний С.Н. Ряснянского использована в работах Г.З. Иоффе [Иоффе 1989: 86; Иоффе 1995: 107]. В публикации С.Н. Ряснянского «Воспоминания о Союзе офицеров и Быхове» [Ряснянский 1968: 64–69] этот фрагмент отсутствует.

² Скорее всего, данные воспоминания были созданы не ранее 1921 г., так как до этого занятый на штабных и строевых командных должностях в белых армиях С.Н. Ряснянский вряд ли имел досуг, необходимый для написания мемуаров [Рутыч 2002: 211].

у власти представителя Временного правительства», что подчеркивалось принятием титула «Временного Правителя» [ГАРФ. Ф. Р-1397. Оп. 1. Д. 9: 10]. Таким образом, в тексте декларации от 9 июля 1918 г. Временный Правитель представлял как Временное правительство, свернутое волей обстоятельств до единоличного состава.

Впоследствии многие, начиная с члена Чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака А.Н. Алексеевского [Допрос 1925: 139] и заканчивая современным исследователем А.С. Кручининым¹, отождествляли хорватовский и колчаковский титулы. Более того, видимо, именно подобное отождествление создало стойкую традицию наделения Д.Л. Хорвата никогда не употреблявшимися в реальности «гибридными» титулами, объединяющими элементы обоих званий: «Временным Верховным Правителем России», «Временным Верховным Российским Правителем» и тому подобным образом Хорват именуется в работах Г.З. Иоффе, Н.Е. Абловой, О.А. Воробьева и многих других авторов.

С одной стороны, нельзя не согласиться с тем, что декларация от 9 июля 1918 г. была первым случаем появления термина «правитель» в качестве официального наименования высшей государственной должности в политическом и правовом дискурсе послереволюционной России. Более того, лицам, участвовавшим в концептуальной подготовке и правовом оформлении колчаковского переворота, хорватовский прецедент был отлично известен, а имя Д.Л. Хорвата даже фигурировало 18 ноября 1918 г. в качестве возможного кандидата в Верховные Правители [Гинс 1921 I: 308].

С другой стороны, эти факты еще не доказывают установления преемственности двух титулов² и, естественно, не освобождают от необходимости объяснения того, почему 18 ноября 1918 г. А.В. Колчак вместо звания «Временного Правителя» принял наименование «Верховный Правитель».

* * *

Сами события «колчаковского переворота» неоднократно описывались в исследовательской литературе (наиболее значи-

¹ Последний прямо указывает на преемственную связь хорватовского и колчаковского титулов, никак не объясняя их различия [Кручинин 2004а: 46].

² Кстати, в показаниях Чрезвычайной следственной комиссии А.В. Колчак, отвечая на вопросы А.Н. Алексеевского, не соглашался с рассмотрением Д.Л. Хорвата в качестве своего предшественника, отмечая, что он отнюдь не считал акт провозглашения Д.Л. Хорвата Временным Правителем «торжеством идеи единоличной власти» [Допрос 1925: 139]. Впрочем, данное высказывание не может быть истолковано однозначно.

тельные опыты: [Мельгунов 2004: 423–478; Иоффе 1983: 122–146; Ларьков 1996: 413–463]). Однако в том, что касается обстановки выработки правового оформления нового режима, еще далеко не все ясно.

23 сентября 1918 г. на Государственном совещании в Уфе в результате вынужденного и крайне неустойчивого компромисса различных антибольшевистских политических сил востока России было избрано Временное Всероссийское правительство (так называемая Директория) в составе пяти членов во главе с Н.Д. Авксентьевым. 9 октября 1918 г. правительство переехало из Уфы в Омск. 4 ноября 1918 г. в Омске был сформирован исполнительный орган Директории — Совет министров Временного Всероссийского правительства. Совмин разительно отличался по политической окраске от значительно более левой Директории: преимущественно право-центристский по составу, он включал ряд деятелей, решительно отставивших правый политический курс, по имени их лидера — министра финансов И.А. Михайлова — именовавшихся «михайловской группой». Кроме И.А. Михайлова важную роль в данной группе играли Г.К. Гинс, Г.Г. Тельберг, Н.И. Петров. Именно «группа Михайлова» послужила ядром конспирации, имевшей целью установление сильной и однородной власти в форме единоличной военной диктатуры. Проблема отсутствия авторитетного военного лидера разрешилась с прибытием 13 октября 1918 г. в Омск бывшего командующего Черноморским флотом вице-адмирала А.В. Колчака, вошедшего в состав Совета министров в качестве военного и морского министра.

В понедельник 18 ноября 1918 г. между 1 и 2 часами ночи группой военнослужащих дислоцированных в Омске казачьих частей под руководством начальника гарнизона города полковника В.И. Волкова были арестованы председатель Временного Всероссийского правительства Н.Д. Авксентьев, член правительства В.М. Зензинов, заместитель члена правительства А.А. Аргунов и товарищ министра внутренних дел Е.Ф. Роговский [Правительственное сообщение 1918]. Все арестованные являлись членами Партии социалистов-революционеров.

В 8 часов утра 18 ноября 1918 г. председатель Совета министров, член Директории П.В. Вологодский объявил открытым экстренное заседание Совета министров Временного Всероссийского правительства [Вологодский 2006: 118]. Обсудив создавшееся положение, Совет министров постановил, что «верховная власть <...> естественно переходит к Совету министров» [Шишкин 2002: 89].

Далее был поставлен на обсуждение вопрос о форме организации новой верховной власти. В ходе развернувшегося обсуждения было констатировано, что перед верховной властью стоят две группы задач. Во-первых, это задачи «борьбы с германо-большевистским натиском, от исхода которой зависит судьба России», в частности, необходимость «плановмерно и успешно производить столь трудную в разоренной и утомленной стране работу по формированию и снабжению армии». Во-вторых, существовала настоятельная потребность прекратить «покушения справа и слева на неокрепший еще государственный строй России», а именно — «разрушительную работу противогосударственных партий» и «самоуправные действия отдельных воинских отрядов». Данные «покушения» характеризовались как «глубоко потрясающие государство в его внутреннем и внешнем положении и подвергающие опасности политическую свободу и основные начала демократического строя».

Члены Совета министров пришли к выводу о том, что разрешение вышеназванных задач возможно только при условии «полного сосредоточения власти военной и гражданской в руках одного лица с авторитетным именем в военных и общественных кругах». В результате Совмин принял принципиальное решение «передать временно осуществление верховной власти одному лицу, опирающемуся на содействие Совета министров, присвоив таковому лицу наименование Верховного Правителя». После этого было выработано и принято «Положение о временном устройстве государственной власти в России» (так называемая «конституция 18 ноября»), устанавливавшее, в частности, порядок взаимоотношений Верховного Правителя и Совета министров.

В тексте журнала заседания Совета министров Временного Всероссийского правительства от 18 ноября 1918 г. отсутствуют какие-либо указания на причины и обстоятельства выбора присвоенного «таковому лицу наименования». Однако некоторые, пусть и весьма лаконичные сведения об этом содержатся в ряде иных источников.

Так, А.В. Колчак показывал Чрезвычайной следственной комиссии следующее: «Тогда вопрос стал принимать конкретную форму, желает ли Совет министров, чтобы власть была вполне единоличной, стоя во главе всего Совета министров? Когда этот вопрос был поставлен на обсуждение, я высказался за это совершенно определенно и сказал, что я считаю это единственным выходом из положения. <...> Затем большинство членов Совета министров <...> говорило, что необходимо хотя бы временно, но сейчас же, чтобы вступала в управление

единая военная власть в виде одного определенного лица. Ответ был вынесен положительный, без каких бы то ни было возражений с чьей бы то ни было стороны. Тогда у нас Верховным Главнокомандующим был [В.Г.] Болдырев, и я сказал, что этому Верховному Главнокомандующему и должна быть передана вся военная и гражданская власть. Верховный Главнокомандующий, получив всю полноту гражданской власти, явится тем лицом, которое станет во главе правительства. Такое решение было принято всем Советом министров без каких бы то ни было серьезных возражений; пока шел вопрос чисто принципиальный. В дальнейшем уже шло обсуждение вопроса о том, кто персонально должен быть Верховным Главнокомандующим и облеченным такой властью. <...> Тогда [П.В.] Вологодский обратился ко мне и сказал: „Я принимаю во внимание все, что Вы сказали, но я Вас прошу оставить зал заседания, так как мы находим необходимым детально и более подробно обсудить этот вопрос, и так как нам придется говорить о Вас, то Вам неудобно здесь присутствовать“. Я оставил это заседание, которое продолжалось довольно долго. Я вошел в кабинет Вологодского, а затем через некоторое время ко мне пришли [Н.И.] Петров или [И.А.] Михайлов, — не помню, — [А.Ф.] Матковский и [С.Н.] Розанов, и передали мне, что меня просят пожаловать в зал заседания, что Совет министров единогласно признал Директорию несуществующей, принял на себя всю полноту власти и, исходя из тех положений, которые обсуждались, признает необходимым передать власть одному лицу, которое стояло бы во главе всего правительства в качестве Верховного Правителя, и просит меня принять этот пост. Затем я пришел в зал заседания, где Вологодский прочел постановление Совета министров, заявивши, что Совет министров считает это единственным выходом из настоящего положения. Тогда я увидел, что разговаривать не о чем, я дал согласие, сказав, что я принимаю на себя эту власть и сейчас же еду в Ставку, для того чтобы сделать распоряжение по войскам, и прошу Совет министров уже детально разработать вопрос о моих взаимоотношениях с Советом министров» [Допрос 1925: 172–174].

П.В. Вологодский в своем дневнике просто констатировал: «Совет Министров пришел к почти единогласному заключению, что Совету министров надо взять всю полноту власти в свои руки, а затем передать ее избранному лицу, „диктатору“, раздался чей-то голос. <...> Когда перешли к вопросу о том, кого же избрать диктатором, то решили ему дать название „Верховного Правителя“» [Вологодский 2006: 118–119].

Г.К. Гинс писал в своих мемуарах: «Адмирал принял избрание; но он еще не отдавал себе ясного отчета, как широка будет

его власть. Это обнаружилось при установлении титула. Он был смущен предложенным ему званием „Верховного Правителя“, ему казалось достаточным звание Верховного Главнокомандующего с полномочиями в области охраны внутреннего порядка. Между тем членам правительства казалось, наоборот, что адмирал не должен быть Верховным Главнокомандующим. В его лице рассчитывали видеть устойчивую верховную власть, свободную от функций исполнительных, не зависящую от каких-либо партийных влияний и одинаково авторитетную как для гражданских, так и для военных властей. <...> Те, кто свергнул Директорию, <...> видимо, мало продумали политическую программу будущего, сговорившись лишь на замене Директории Колчаком. <...> [С.С.] Старынкевичу, [Г.Г.] Тельбергу и мне было поручено выработать основной закон, определяющий права Верховного Правителя и права Совета министров» [Гинс 1921 I: 309–310].

Единственным автором, прямо высказавшимся по поводу резонанса установления колчаковского титула, был И.И. Сукин, впрочем, не принимавший участия в заседании Совмина 18 ноября. В своих воспоминаниях он привел следующее рассуждение: «На него было возложено звание „Верховного Правителя“. Этот термин был избран, как смягчающий неприятное впечатление, которое могло бы произвести на сибиряков объявление „военной диктатуры“. Александр Васильевич одновременно был произведен в полные адмиралы, что было необходимо для подчинения ему, в порядке командования, высших чинов армии и флота, ибо звание Верховного Правителя было соединено с должностью Верховного Главнокомандующего. Совет министров в полном составе, с [П.В.] Вологодским во главе, был оставлен без перемен. Эта конструкция власти, хотя и созданная в несколько часов, была тщательно продумана и представлялась сравнительно удачным разрешением создавшегося положения, воплощая идею единовластия и милитаризации правительства, она в то же время сохранила декорум гражданственности, который требовался местной политической обстановкой и неподдельным либерализмом сибирских общественных кругов» [Сукин 2005: 347].

Итак, все эти источники рисуют в целом согласованную картину. В ходе первоначального обсуждения, происходившего при непосредственном участии А.В. Колчака, предполагалось наделить функциями верховной государственной власти учрежденную Директорией 24 сентября 1918 г. должность Верховного Главнокомандующего. Лишь на следующем этапе, после того, как члены Совмина перешли к рассмотрению вопроса о том, «кого же избрать диктатором», а А.В. Колчак по-

кинул заседание, была высказана и принята идея учреждения особого поста Верховного Правителя. Этот шаг на заседании Совмина аргументировался необходимостью подчеркнуть возникновение принципиально «нейтрализованной» общенациональной власти. А.В. Колчак, изначально симпатизировавший идее абсолютной милитаризации верховной государственной власти, но поставленный перед фактом избрания его Советом министров на новоучрежденную должность Верховного Правителя, был вынужден принять предложенный ему пост¹. Г.К. Гинс и И.И. Сукин единогласно утверждают, что учрежденная 18 ноября 1918 г. система власти не была продумана творцами переворота заранее, она родилась «в несколько часов» в ходе самого заседания Совета министров.

Показаниям данных источников противоречит свидетельство, указывающее на обсуждение титула главы нового режима самим А.В. Колчаком до 18 ноября 1918 г. Это фрагмент воспоминаний чехословацкого военного деятеля Р. Гайды, который осенью 1918 г. в звании генерал-майора командовал войсками Екатеринбургской группы, действовавшей против красных. 13 ноября 1918 г. прибывший на фронт с инспекционной поездкой военный и морской министр вице-адмирал А.В. Колчак встретился с ним, чтобы обговорить позицию Гайды и его войск по отношению к подготовлявшемуся свержению Директории. Рассказывая об этой встрече, Гайда писал: «Адмирал Колчак просил меня о том, чтобы я, как командующий Сибирской армией, содействовал ему или, по крайней мере, не препятствовал ему в том случае, если он будет объявлен Верховным Правителем. Выслушав все соображения адмирала, я по некоторым пунктам возразил ему. Прежде всего, по моему мнению, будущий диктатор не должен присваивать себе титула Верховного Правителя [titul vřcuního vladaře]. Мне казалось самым подходящим для него звание „Верховного Главнокомандующего“ [název „nejvyššího velitele“] с правами диктатора, что должно было указывать на временный характер переворота» [Gajda 1921: 99; русский перевод: ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 1. Д. 1524: 230]².

Итак, согласно данному мемуарному свидетельству, накануне переворота точки зрения на организацию верховной власти, которую А.В. Колчак 4 февраля 1920 г. приписал себе, на самом деле придерживался Р. Гайда. Сам же вице-адмирал вы-

¹ Впрочем, первым же своим актом Верховный Правитель объявил о вступлении одновременно и в должность Верховного Главнокомандующего. Приказ от 18 ноября 1918 г. гласил: «1. Сего числа постановлением Совета министров Всероссийского правительства я назначен Верховным Правителем. 2. Сего числа я вступил в верховное командование всеми сухопутными и морскими силами России» [Приказ 1918].

² Благодарю профессора В.И. Шишкина, указавшего мне на данное свидетельство.

сказывал иные намерения, планируя занять пост именно Верховного Правителя.

Трудность заключается в том, какие именно из противоречащих источников более заслуживают нашего доверия.

С одной стороны, воспоминания Р. Гайды несомненно подчинены одной задаче — развеять антидемократическую репутацию «генерала русских легий». Без построения «либерального» имиджа генерал не мог рассчитывать на сколько-нибудь заметное положение в вооруженных силах Чехословацкой республики образца 1921 г. Действительно, в данном эпизоде явственно чувствуется желание мемуариста, насколько возможно, дистанцироваться от колчаковского переворота и самого Колчака. Приведенный рассказ о разногласиях Гайды и Колчака по поводу титула и самой концепции будущей власти слишком хорошо отвечает этой задаче.

С другой стороны, свидетельства А.В. Колчака, Г.К. Гинса и И.И. Сукина также «нагружены» совершенно определенной идеей. Они призваны представить переворот как спонтанное происшествие и снять с членов Совета министров обвинения в заранее обдуманых, предумышленных действиях против назначившей их верховной власти.

К сожалению, данное противоречие вряд ли может быть разрешено без введения в оборот новых источников. В целом же рассмотренные выше источники проливают свет на обстоятельства, предшествовавшие и сопутствовавшие учреждению новой должности. Чтобы завершить описание семантического контекста, рассмотрим реакцию, которую новый титул вызвал в обществе.

* * *

Прежде всего нуждается в объяснении первая реакция самого А.В. Колчака. Как уже указывалось, «он был смущен предложенным ему званием». Это свидетельство Г.К. Гинса, содержащееся в книге, опубликованной в 1921 г., косвенно подтверждается фрагментом составленного в мае 1920 г. «Заключения по делу членов самозванного и мятежного правительства Колчака и их вдохновителей». Автор этого документа, заведующий отделом юстиции Сибирского революционного комитета А.Г. Гойхбарг, опираясь на материалы допросов бывших колчаковских министров, в свойственной большевистской юстиции манере писал о событиях омского переворота: «Поехав на фронт, сплотив вокруг себя монархическое офицерство, Колчак возвращается в Омск, и здесь разыгрывается комедия восстановления единоличной самодержавной власти.

Колчак, как пьяница перед чаркою вина, немного морщится, но все же соглашается принять на себя звание Верховного Правителя» [Процесс 2003: 32].

О неоднозначном отношении адмирала к принятому им титулу свидетельствует еще один эпизод. 28 ноября 1918 г. состоялась встреча А.В. Колчака с представителями прессы, задуманная как важнейший акт в презентации нового режима обществу, как принципиальный шаг навстречу демократическому общественному мнению внутри страны и за рубежом. Речь адмирала, вопросы журналистов и ответы на них были заранее подготовлены и тщательно отредактированы [Гинс 1921 II: 30].

В частности, выступление А.В. Колчака содержало следующий пассаж: «Меня называют диктатором. Пусть так — я не боюсь этого слова и помню, что диктатура с древнейших времен была учреждением республиканским. Как Сенат древнего Рима в тяжкие минуты государства назначал диктатора, так Совет министров Российского государства в тяжчайшую из тяжких минут нашей государственной жизни, идя навстречу общественным настроениям, назначил меня Верховным Правителем» [Задачи 1918; Прием представителей 1918]. Таким образом, вопреки утверждениям И.И. Сукина и Дж. Смита, перед лицом «потенциальных скептиков» адмирал был вынужден оправдывать якобы «более мягкий» титул Верховного Правителя путем уподобления его «более грубому» титулу «диктатор».

Кстати, логика данного колчаковского высказывания подтверждается тем характерным фактом, что единственный в годы Гражданской войны пример использования термина «диктатор» в качестве официального титула главы власти относится к истории режима, обладавшего именно радикально-республиканской идеологической окраской. Речь идет о решении 9 июня 1919 г. Западно-Украинской национальной рады передать председателю этого органа Е.Е. Петрушевичу «всю полноту военной и гражданской власти», присвоив ему звание «диктатора Западно-Украинской Народной Республики» [Гражданская война 1987: 215–216].

Наконец, имеется еще одно косвенное свидетельство. Спустя год после переворота, 15 октября 1919 г., А.В. Колчак, отвечая на письмо своей супруги С.Ф. Колчак (Омировой), написал: «Я прошу тебя уяснить, как я сам понимаю свое положение и свои заботы. <...> Я не являюсь ни с какой стороны представителем наследственной или выборной власти. Я смотрю на свое звание как на должность чисто служебного характера.

По существу, я Верховный Главнокомандующий, принявший на себя функции и Верховной Гражданской Власти, так как для успешной борьбы нельзя отделять последние от первого» [Чтения 2005: 88–89]. Здесь очевидна полемика. Видимо, в своем письме С.Ф. Колчак формулировала некое **иное** понимание «положения и забот» Верховного Правителя, **иной** взгляд на это звание, какую-то его трактовку **иную**, нежели как просто позиции бюрократической табели о рангах.

Итак, титул Верховного Правителя вызывал «смущение», заставлял «морщиться», вынуждал оправдывать его ссылками на римско-республиканские или российские военно-административные параллели. Понять эту реакцию не так уж трудно, если обратиться к истолкованиям, принадлежавшим политическим недоброжелателям и врагам «омской власти».

Сотрудник Французской военной миссии Ж. Легра записал в ноябре 1918 г. в своем дневнике: «Адмирал лично явился заявить, что коллеги его вверили ему свою власть с титулом Верховного Правителя и неограниченными полномочиями. <...> Очевидная цель переворота — подменить чуть ли не парламентарную власть, которая в течение пяти месяцев управляла краем, военной диктатурой по-русски, т.е. облеченной такой же властью, как власть покойного царя <...> ясно, что это — переворот, подготовляющий реставрацию» [Legras 1928: 162, 166].

Полностью идентичные оценки высказывались в социалистической прессе востока России: «Колчак — первая ступень установления монархии, первый шаг к полной и неприкрытой реставрации» [Иоффе 1983: 10].

Несколько позднее, в январе 1919 г. автор органа Московского бюро ЦК ПСР писал о «Колчаке и его сподвижниках» как представителях «максимализма справа», «откровенно мечтающего о полной ликвидации завоеваний революции и реставрации монархического строя» [М-ский 1919].

Таким образом, многими омский переворот рассматривался как важный шаг к восстановлению романовской монархии, а сам А.В. Колчак, по выражению генерал-майора М.А. Иностранцева, как «генерал-реставратор», «русский Джордж Монк» [Иоффе 1983: 12]. Отметим, что все приведенные примеры относятся к текстам, претендовавшим на аналитический, «серьезный» характер.

Наряду с этим в рамках пропагандистского дискурса с присущей ему гиперболизацией и сарказмом реставрация описывалась не как цель и тенденция развития колчаковского режима,

а как воплощенная реальность, нередко приобретая при этом характерные черты узурпации императорского престола самим Колчаком.

Так, автор челябинской социалистической газеты «Власть народа» именовал адмирала на императорский манер, лишь вопрошая: «На какие силы думает опираться Александр IV?» [Иоффе 1983: 10].

Образы большевистской пропаганды также находились в диапазоне между реализованной монархией и узурпаторскими замыслами. Например, Я. Гашек, в то время сотрудник ряда красноармейских газет, описывал А.В. Колчака как монарха. Так, герой одного из его фельетонов восклицал: «Да здравствует император Колчак, царь православный всесибирский. <...> Да здравствует император Колчак!» [Гашек 1919: 14 января]. Спустя полгода в другом фельетоне адмирал именовался «Божьей Милостью Царем Всероссийским Александром IV (Колчаком)», «собирателем и строителем новой монархии на Руси» [Гашек 1919: 9 июля].

В то же время в уста персонажа большевистского плаката, изданного в 1919 г. в Казани, был вложен следующий текст: «Мы, Божьей Милостью Колчак, воссесть на царский трон желаем» [Мы 1919]. Здесь Колчак, несмотря на присвоенные ему элементы императорского титула («Божьей Милостью»), изображался еще только стремящимся к узурпации престола в будущем.

Отметим попутно, что впоследствии соединение царского титула и имени Колчака стало традиционным мотивом в советском «политико-художественном» дискурсе. Так, в стихотворении, опубликованном в Верхнеудинске в 1921 г., упоминался «Царь Колчак — палач кровавый» [Элиасов 1957: 81]¹, в записанной десять лет спустя уральской переделке старинной народной песни — «Колчак, презренный царь Сибири» (заменявший наделенного этим же эпитетом Кучума) [Там же: 97]², наконец в уста «Колчака» в песне, записанной в Прибайкалье в 1937 г., были вложены слова: «Я стал теперь царем» [Там же: 96]³.

О том, что такая трактовка характера и целей власти Верховного Правителя отнюдь не являлась исключительной принадлежностью языка антиколчаковской агитации, говорит свидетельство корреспондента «Нью-Йорк Таймс» в Сибири Луиса

¹ Первая публикация: [Крюков 1921].

² Записана в 1931 г. в Алапаевске, первая публикация: [Самарин 1935: 164].

³ Записана в 1937 г. в с. Лиственничное Иркутской области.

Корнфилда. Внимательный и вдумчивый наблюдатель, Корнфилд писал в июле 1919 г.: «Большевистская пропаганда пустила глубокие корни в сознании рабочего класса, и он теперь уверен, что Колчак лелеет одну-единственную мечту — реставрировать монархию, многие даже одержимы идеей, что он собирается самого себя провозгласить императором». Американский журналист отмечал, что «подобное мнение настолько широко распространено в Сибири, что, попав туда, невозможно в большей или меньшей степени не принять эту точку зрения», а в среде сибирских рабочих и крестьян оно вообще является «истиной, не подлежащей сомнению» [Корнфилд 2008].

Таким образом, смущение и оправдания Колчака вроде бы можно объяснить монархическими ассоциациями принятого им титула. Однако необходимо отметить, что ни среди приведенных, ни среди множества других известных примеров квалификации колчаковского режима как монархического либо потенциально реставрационного нам не известно ни одного случая, когда в качестве основания для такой квалификации использовалось бы именно принятое Колчаком звание. Что же конкретно могло связывать титул Колчака с традицией старой императорской власти?

* * *

Созданное на Государственном совещании в Уфе Временное Всероссийское правительство под председательством Н.Д. Авксентьева рассматривало себя в качестве очередного, нового состава Временного правительства, возобновившего свою деятельность после вызванного «происшествием» 25 октября 1917 г. вынужденного перерыва. Как это ни парадоксально, именно социалистическо-леволиберальная Директория в поисках подтверждения своей «петроградской» преемственности, а также, возможно, в надежде «очаровать» скептически настроенные правые круги в невиданных ранее на востоке России масштабах «возродила старые правовые формы». В своих мемуарах юрист, управляющий делами Временного Сибирского и Российского правительств Г.К. Гинс писал: «Директория первая открыла старый Свод законов <...> и дала ложное направление законодательной мысли, которая сочла для себя обязательным не отступать от начал Свода законов». В другом месте он повторил: «Вновь открыт был том 1-й Свода законов. Юристы Директории поразили меня, при переговорах об образовании власти, своими ссылками на прежнее Положение о Совете министров». Наконец он указывал и на то, что подобный подход находил поддержку у сибирских деятелей, «околдованных

губительным рабским подражанием петроградским образцам» (среди этих деятелей он персонально выделял «пропитанного насквозь формальным мышлением» Г.Г. Тельберга) [Гинс 1921 II: 112, 113, 312].

После 18 ноября 1918 г. эти тенденции не только укрепились, они отлились в формулу-лозунг «восстановления законности», ставшую важнейшей идеологической константой колчаковского правления. В первых же декларациях говорилось об «установлении законности и правопорядка» [К населению 1918], «поддержании в стране порядка и законности» [Шишкин 2002: 89] как о первостепенных целях новой власти. «Порядок и закон в моих глазах являются неизменными спутниками, неразрывно друг с другом связанными», — заявлял А.В. Колчак на встрече с представителями прессы 28 ноября 1918 г. [Прием представителей 1918].

Причем путь к «законности» виделся через реставрацию правового преемства: отныне новое Российское правительство действовало, «восприяв власть бывшего Временного правительства, образовавшегося в марте 1917 г., и поставив своей задачей укрепление своего авторитета как единой власти, преемственной к исторической власти Государства Российского» [ГАРФ. Ф. 3907. Оп. 7. Д. 18].

Итак, обращение к праву «исторической России» (в частности, к нормам первого тома Свода законов) не только не противоречило идейному настрою лидеров сибирского антибольшевизма, но и полностью соответствовало укрепившейся к моменту переворота тенденции государственно-правовой практики омского режима.

Каким же являлось в глазах организаторов военного переворота и участников заседания Совета министров 18 ноября 1918 г. положение верховной власти «с точки зрения закона»?

Как известно, свое правовое положение Временное правительство России в 1917 г. основывало на двух документах: акте Императора Николая II от 2 марта 1917 г. и заявлении Великого Князя Михаила Александровича от 3 марта 1917 г. В первом документе говорилось об отречении Императора от престола и передаче власти, минуя Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, Великому Князю Михаилу Александровичу, которому завещалось править «в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях» [Акт об отречении 1917]. Вторым актом Великий Князь отказывался от принятия переданной ему власти «впредь до установления в Учредительном собрании образа правления и

новых Основных законов» и просил «всех граждан Державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему и облеченному всею полнотой власти» до момента созыва Учредительного собрания [Акт об отказе 1917].

5 марта 1917 г. оба акта были заслушаны в заседании первого департамента Правительствующего Сената, после чего сенаторы приказали «к исполнению этих актов сделать надлежащие распоряжения» [Журнал 1917], признав правомочность документов, оформлявших произошедший переворот. Между тем содержание данных документов с правовой точки зрения вызвало серьезную критику даже у сторонников отречения [Шульгин 1990: 183; Набоков 1991: 18–19, 21]. Не говоря уже об очевидных сомнениях в добровольности решений Императора и Великого Князя, совершенно не правовыми шагами выглядели как отречение Николая II за сына, так и установление порядка государственной жизни Великим Князем, отказавшимся от принятия власти.

Двумя другими актами, определявшими форму государства и соответственно касавшимися вопроса об организации верховной власти, являлись заявление от 1 сентября 1917 г. о провозглашении республиканской формы правления [От Временного правительства 1917] и постановление Всероссийского Учредительного собрания от 5 января 1918 г. о провозглашении Государства Российского Российской Федеративной Демократической Республикой [Законы 1918]. Акт от 1 сентября 1917 г., изданный в момент развала второго коалиционного Временного правительства и фактически исходивший лишь от министра-председателя А.Ф. Керенского, очевидно являвшийся вторжением в область полномочий Учредительного собрания и таким образом явно превышавший компетенцию Временного правительства, лидерами сибирского антибольшевистского движения не признавался действующим, что выражалось в употреблении в декларативных и нормативных документах наименования «Российское Государство», «Российская Держава» (вместо «Российская Республика»)¹. Что касается последнего акта, то он также отвергался как наследие нелегитимного эсеро-большевистского Учредительного собрания, которое «не может выражать волю российского населения» [К вопросу 1918].

¹ Кстати, в тексте Основных государственных законов 1906 г. термины «Российская Империя», «Империя Российская», «Империя» встречаются лишь 5 раз, а вот «Российское Государство», «Государство Российское» и «Россия» — 9 раз. Таким образом, использовавшееся в омском законодательстве наименование «Российское Государство» выглядело вполне традиционным.

Итак, положение верховной власти в России, с точки зрения права, на момент 18 ноября 1918 г. описывалось нормами третьей главы Основных государственных законов, предусматривавших передачу верховной власти в руки регента или, используя термин Основных законов, «Правителя государства» (ст. 47). Авторитетный дореволюционный правовед В.В. Ивановский в труде о российском государственном праве так описывал ситуации, могущие инициировать применение норм третьей главы: «Наряду с несовершеннолетием Императора возможно представить себе и другие обстоятельства, которые точно так же могли бы быть принимаемы за повод к установлению регентства. В качестве таких обстоятельств большинство современных конституций признает: тяжелую телесную или душевную болезнь, а также продолжительное, в особенности вынужденное, отсутствие монарха» [Ивановский 1895: 327]¹. Именно последнее положение вполне адекватно соответствовало правовой ситуации, сложившейся к осени 1918 г. на контролируемой белыми территории востока России. К этому времени омские власти не располагали достоверной информацией о судьбе членов императорской фамилии. С высокой степенью вероятности констатировалась лишь смерть Николая II [Соколов 1991: 38–39], а также тот факт, что ни один из членов дома Романовых на территории, контролируемой омской властью, не находился, по крайней мере — открыто.

Что касается процедуры назначения персоны регента, В.В. Ивановский писал: «Наше законодательство не ограничивает воли монарха и указанием на круг лиц, из которого должен быть назначен регент; следовательно, Император может назначить лицо и не принадлежащее к царствующему дому. Сила самого закона заменяет волю Императора, в этом отношении, в том только случае, когда воля эта вовсе не была выражена, и в таком случае круг лиц, имеющих право на звание регента, ограничивается императорской фамилией» [Ивановский 1895: 328]. Ситуация, сложившаяся к ноябрю 1918 г., не была, да, наверное, и не могла быть прямо описана в законодательстве: одновременно отсутствовали и выраженная воля монарха, и представители императорской фамилии. Это не позволяло непосредственно обратиться к положениям закона. Однако омские законодатели и в этих условиях приложили все усилия к соблюдению духа и, по возможности, даже буквы Основных законов.

---

¹ Другой дореволюционный юрист В.В. Водовозов в статье «Регентство» энциклопедии Брокгауза и Ефрона писал, ссылаясь на французскую и германскую практику: «„Регентами“ называются также лица, управляющие государством во время отсутствия государя» [Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: 453].

Это выразилось, в частности, в одном важном моменте, до сих пор не привлекавшем внимания исследователей — «конституции 18 ноября». Основные законы наряду и в дополнение к посту Правителя государства устанавливали особый коллегиальный орган власти — Совет правительства. Лишь в совокупности Правитель государства и Совет правительства составляли систему временной высшей власти: «Как Правитель без Совета, так и Совет без Правителя существовать не могут» (ст. 25). По этому поводу В.В. Ивановский отмечал: «Таким образом, эта статья заключает в себе как бы некоторое ограничение самостоятельности и прав регента, хотя, с другой стороны, это ограничение крайне несущественно, потому что на основании ст. 29 тех же законов Правитель имеет голос решающий» [Ивановский 1895: 329]. Компетенция данного органа определялась следующим образом: «В Совет правительства входят все без изъятия дела, подлежащие решению самого Императора» (ст. 50). В этом контексте взаимоотношения Верховного Правителя и Совета министров, уставленные «Положением о временном устройстве государственной власти», выглядят вполне традиционно.

Понятнее становится учреждение и последующая роль такого важнейшего для колчаковской власти института, как Совет Верховного Правителя, образованный постановлением Совета министров от 21 ноября 1918 г. «в целях достижения единства воли и действий между Верховным Правителем и Советом министров и для рассмотрения дел, подлежащих непосредственному ведению Верховного Правителя» [Процесс 2003: 606].

Близкую аналогию решениям Совета министров Временного Всероссийского правительства можно увидеть в действиях финляндского Сейма, который после восстановления белыми войсками контроля над финскими территориями обратился к нормам Формы правления (основного закона), утвержденной еще 21 августа 1772 г. Густавом III Шведским и подтвержденной 15 марта 1809 г. Императором Александром I. Именно на основании этого акта Сейм 18 мая 1918 г. избрал регентом Финляндии, «обладающим высшей властью», сенатора П.Э. Свинхувуда (12 декабря 1918 г. его на этом посту сменил генерал-лейтенант К.Г. Маннергейм). Действие Формы правления 1772 г. продолжалось до принятия 17 июля 1919 г. новой республиканской конституции [Маннергейм 2004: 130, 154].

Итак, можно заключить, что «конституция 18 ноября», а также иные акты, описывавшие правовое положение высших органов государственной власти после омского переворота, хотя и не были основаны на доскональном следовании нормам

Основных государственных законов Российской империи, но явно формировались под их непосредственным воздействием.

Однако это все же не объясняет генезиса термина «Верховный Правитель», неизвестного императорскому законодательству.

* * *

Б.И. Колоницкий в своем исследовании политической культуры российской революции афористически сформулировал: «Российскую революцию часто сравнивают с революциями Нового Времени. Но не меньше оснований сравнивать ее с религиозными конфликтами, битвами за веру и крестовыми походами». Он отметил, что в России в эту эпоху не только «политические проблемы переплетались с проблемами религиозными», но и что «обратной стороной политизации религиозной жизни стала сакрализация политики», в частности, находившая свое выражение в том, что «для противников революции политическая борьба <...> приобретала глубокий религиозный смысл» [Колоницкий 2001: 78–79].

К сходным выводам приходил в свое время и М.С. Агурский: «Подавляющее большинство русского общества, не принявшее большевизма, воспринимало поэтому революцию и власть большевиков как эсхатологическую национальную трагедию. <...> Политические события рассматриваются через призму Апокалипсиса, различных мрачных пророчеств и народных эсхатологических поверий. Эти настроения резко усиливаются в январе 1918 г. после объявления Патриархом Тихоном анафемы большевикам» [Агурский 1980: 4, 9].

Действительно, образы и формулы, заимствованные из православной церковной традиции, в частности из Священного Писания, были важнейшим компонентом идеологии колчаковского правления. Так, в первых же декларациях, возвещавших о перевороте, церковные по своему происхождению формулы появились дважды.

В воззвании Верховного Правителя «К населению» от 18 ноября 1918 г. говорилось: «Совет министров принял всю полноту власти и передал ее мне, адмиралу Русского флота, Александру Колчак[у]. **Приняв крест этой власти** в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройстве государственной жизни, — объявляю» [К населению 1918; выделение здесь и везде далее наше. — В.Ж.]¹. Это явный парафраз Еван-

---

¹ Это же выражение, как описывающее взгляд А.В. Колчака на свою роль, использовал А.П. Будберг, когда записал в своем «Дневнике» под датой 26–31 октября 1919 г.: «На свой пост Адмирал смотрит как на тяжелый крест и великий подвиг, посланный ему свыше» [Будберг 1991: 331].

гелия: «Ко всем же сказал: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною. Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее» (Лк.9, 23–24, см. также: Мф.16, 24).

В другом декларативном документе колчаковского переворота (приказе Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего № 46 от 23 ноября 1918 г., обращенном к армии, более эмоциональном и пространном, чем обращение к населению) содержался следующий заключительный пассаж: «Да поможет нам Господь Бог всемогущий, **которого многие из нас в годы великих испытаний забыли**, выполнить свои обязательства и долг перед родиной» [Офицеры 1918]¹. Мотив «преодолеваемого забвения» совсем не выглядит случайным в «омском» идеологическом контексте.

18 ноября 1918 г., одновременно с омскими событиями², проходившее в Томске Сибирское церковное соборное совещание сформировало для руководства делами епархий востока России Временное высшее церковное управление. Главой управления был избран архиепископ Омский и Павлодарский Сильвестр (Ольшевский) [Церковный собор 1918]. Именно он 29 января 1919 г. участвовал в важнейшей с точки зрения легитимации колчаковского режима церемонии — торжественном открытии в Омске работ Временных присутствий департаментов Правительствующего Сената, ставшем своего рода инаугурацией Верховного Правителя. В ходе церемонии архиепископ Сильвестр отслужил молебен, привел к присяге Верховного Правителя, членов Совета министров, ново назначенных сенаторов, преподнес Верховному Правителю написанную в древнерусском стиле икону Христа Спасителя, а также произнес две весьма примечательные речи, одну в начале, другую в завершение торжественного собрания.

Первую из этих речей Сильвестр начал с мотива «забвения»: «С первых дней происшедшего у нас государственного переворота **великое Имя Божие предано было забвению**» [ГАРФ. Ф. 3907. Оп. 7. Д. 18: 159]. Позже он вернулся к этой идее: «Великое разрушение материальное и духовное, к которому пришли мы, последовало от того, что вопреки заветам нашей

¹ Принадлежность текста приказа в целом и данного фрагмента в частности личному авторству А.В. Колчака подтверждается использованием характерного для него оборота «обязательства и долг». Он неоднократно встречается в письмах к А.В. Тимиревой, например в одном из писем от августа 1917 г.: «Я говорил сегодня <...> о конечной цели жизни — славе военной, ореоле выполненного обязательства и долга перед своей Родиной» [Милая, обожаемая моя 1996: 100].

² Неслучайным считал совпадение по времени колчаковского переворота и образования Временного высшего церковного управления во главе с архиепископом Сильвестром советский историк И.Д. Эйнгорн [Эйнгорн 1987: 23].

тысячелетней истории принялись люди строить жизнь общественную и государственную на началах не только чуждых, но даже враждебных Христианству и святой Церкви, **забыв слово Господа:** „Без Мене не можете творите ничесоже“». После этого архиепископ «призвал благословение на нынешнее государственное строительство, идущее в союзе с Церковью» [Там же: 1141]¹.

Идее союза государства и церкви была целиком посвящена вторая, заключительная речь архиепископа: «В древности была не только внешняя **связь между деятелями государственных и представителями церкви**, и она, эта связь, давала мощь и силу государству в его строительстве, в течение веков создавшему нашу Великую Российскую страну, бывшую великой до последнего времени; эта нравственная связь укреплялась всегда единением между государственным представительством и церковным. Я приветствую Вас и призываю на Вас Божие благословение. Да поможет Господь и ныне поддержать эту связь, дабы и нам быть преемниками тех сил духовных, которые помогли бы нам восстановить то, что утрачено ныне» [Там же: 123–124].

Речи Сильвестра отсылают к идеям, достаточно характерным для христианской мысли, неоднократно изложенным в различных текстах, принадлежащих церковной традиции. Однако высшим авторитетом для христианского сознания всегда обладали тексты Священного Писания — «краеугольного камня» любого богословского построения. Авторитетнейший церковный писатель и проповедник середины XIX в. митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов) так формулировал причины эталонности для христианина, в частности, ветхозаветного политического опыта: «Надежнее самодельных умствований должно учиться царственной истине из истории народов и царств <...> писанной не страстями человеческими, а святыми пророками Божиими, то есть — из истории древле избранного и Богоправимого народа Божия» [Филарет 1901: 15–17]. В другой проповеди он развивал эту мысль: «Почему на поставленное Богом для одного народа (еврейского) и на обещанное одному Царю (Давиду) я смотрю как на общий закон для Царей и народов? <...> Потому что закон, истекший от благодати и премудрости Божией, без сомнения есть закон совершенный; а совершенного почему не предлагать для всех? Или ты думаешь изобрести закон, который был бы совершеннее, нежели закон, истекший от Божией благодати и премудрости?» [Филарет 1991].

¹ Финал первой речи архиепископа сохранился только в пересказе анонимного автора официального отчета о церемонии 29 января 1919 г.

Среди библейских книг сочетание мотивов, «идейный комплекс» речей архиепископа Сильвестра и приказа Верховного Правителя в целостном виде обнаруживается в совершенно конкретном произведении ветхозаветного канона — в книгах Паралипоменон. Круг идей этих книг таков, что в дореволюционное время они не вызывали особого интереса и по той же причине не могли не привлечь пристального внимания в эпоху Гражданской войны.

Богослов А.А. Олесницкий, автор авторитетного дореволюционного исследования этого памятника, назвал посвященную ему работу по одному из вариантов перевода их греческого названия — «Книги забытые». Он писал: «Повествование книг Паралипоменон принадлежит особому разряду священных писателей-летописцев, стражей истории теократии у престола иудейских царей, помазанников Иеговы. Имея универсальное значение, как все другие священные книги, они имели и частное назначение назидать правителей народа Божия, для которых они были настольными книгами, пока неблагоприятные обстоятельства в истории канона и толкований иудейских <...> не вытеснили их из их первоначального места в еврейском каноне и не сделали из них βιβλία παραλειπόμενα, книги забытые <...> название вполне оправданное и позднейшей судьбою этих книг» [Олесницкий 1879: 478–479, 496].

Специфически «политический» аспект повествования книг Паралипоменон вызван тем, что они представляют собой манифестацию ветхозаветной религиозной историософии. Центральной темой книг Паралипоменон является тема роли царской власти и ветхозаветной церкви: «Согласно точке зрения летописца, Бог сплотил Свой народ вокруг двух основополагающих установлений: трона Давида и его потомков и иерусалимского храма. Эти установления — политическое и религиозное — легли в основу существования Израиля <...> Уделяя столь значительное место теме царской власти и храма, он учит читателей, членов восстановленной после плена общины, в должной мере печься об этих институтах, ибо без царя из рода Давидова или без храма полное восстановление царства невозможно. <...> Свои надежды на будущее Израиля летописец связывал с тесным сотрудничеством царей из рода Давидова и священников из числа потомков Садока» [Новая женеvская учебная Библия 2002].

П.А. Юнгеров, известный дореволюционный православный богослов, автор теологического исследования книг Паралипоменон, писал: «Писатель подробно описывает древних великих царей, за свое благочестие награжденных Богом победами над всеми врагами и славою царства <...> или сохранением царства

от страшных опасностей. <...> Не будет несправедливым замечание, что этим он хотел показать, что и современники его, если будут с такою же любовью и усердием относиться к храму и богослужению, то и их Господь наградит такими же благами, как древних благочестивых царей. Несчастливая же участь нечестивых, допускаявших идолопоклонство царей должна была и его современников предохранить как от идолопоклонства, так и от дружества и союзов с идолопоклонниками» [Юнгеров 1905: 4].

Характерно, что впоследствии, обращаясь мысленным взглядом к урокам революции и Гражданской войны, эмигрантский богослов о. Георгий Флоровский указывал на особую актуальность книг Паралипоменон: «Его [автора данных книг] учение о приоритете духовно-религиозного и о том, что Бог может изменить течение мировой истории, не теряет своей значимости. Во времена, подобные нашей эпохе, оно должно служить предметом глубоких размышлений» [Флоровский 1995].

Итак, созвучность текстов А.В. Колчака и Сильвестра идеям и даже названию книг Паралипоменон выглядит неслучайной. В данном контексте особое внимание привлекают 21–25 стихи 29 главы синодального перевода Первой книги Паралипоменон:

*И принесли Господу жертвы, и вознесли всесожжения Господу, на другой после сего день: тысячу тельцов, тысячу овнов, тысячу агнцев с их возлияниями, и множество жертв от всего Израиля. И ели и пили пред Господом в тот день, с великою радостью; и в другой раз воцарили Соломона, сына Давидова, и помазали пред Господом в **правителя верховного**, а Садока во священника. И сел Соломон на престоле Господнем, **как царь, вместо Давида**, отца своего, и был благоуспешен, и весь Израиль повиновался ему. И все начальники и сильные, также и все сыновья царя Давида подчинились Соломону царю. И возвеличил Господь Соломона пред очами всего Израиля, и даровал ему славу царства, какой не имел прежде его ни один царь у Израиля.*

Это единственное место Библии, где встречается словосочетание «правитель верховный»¹. Интересен момент священной истории, к описанию которого относится данный отрывок. Сын царя Давида Соломон победил в своего рода небольшой «междоусобице», вызванной попыткой другого царского сына — Адонии — узурпировать власть. В результате Соломон

¹ В славянском тексте Ветхого Завета в данном месте употреблен термин «царь»: «И поставиша царем второе Соломона сына Давидова, и помазаша его Господу в царя, и Садока же во архиереа».

взошел на престол при живом царе, который, впрочем, уже не мог из-за преклонного возраста осуществлять реальную власть (3Цар. 1). Именно поэтому Соломон титуловался здесь не царем (др.-евр. *melekh*), а «правителем верховным» (др.-евр. *nagiyd*).

Конечно, доказать с абсолютной определенностью, что именно данный текст послужил источником титула Верховного Правителя, на основании имеющихся косвенных данных невозможно. Однако определенное сходство ситуаций, характерная для христианской культуры традиция искать в Священном Писании вечные прообразы исторических событий и эталоны значимых поступков, в том числе в государственной сфере, наконец, присущее многим представителям антибольшевистского движения обострение религиозного чувства, вызванное эсхатологическим масштабом социальной катастрофы, переживавшейся российским обществом, — все это позволяет высказать гипотезу о религиозном генезисе титула, принятого А.В. Колчаком 18 ноября 1918 г.

* * *

В заключение рассмотрим дальнейшую судьбу колчаковского титула.

В начале декабря 1919 г. А.В. Колчак поднял перед Советом министров «вопрос [об] отречении в пользу Деникина» [Процесс 2003: 566], еще 24 июня 1919 г. назначенного в целях «обеспечения непрерывности и преемственности верховного командования» заместителем Верховного Главнокомандующего [Голос 1919: 15–16]. 22 декабря 1919 г. Совет министров Российского правительства принял следующее постановление: «В целях обеспечения непрерывности и преемства всероссийской власти Совет министров постановил: возложить обязанности преемника Верховного Правителя на случай тяжелой болезни или смерти Верховного Правителя, а также на случай отказа его от звания Верховного Правителя или долговременного его отсутствия на Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России генерал-лейтенанта Деникина» [Процесс 2003: 566]. Последним из известных на сегодняшний день государственных актов А.В. Колчака являлся изданный в Нижнеудинске указ от 4 января 1920 г., которым Верховный Правитель «ввиду предрешения мною вопроса о передаче верховной всероссийской власти Главнокомандующему Вооруженными силами Юга России генерал-лейтенанту Деникину, впредь до получения его указаний, в целях сохранения на нашей Российской Восточной окраине оплота государственности на началах неразрывного единства со всей Россией» предоставлял «всю полноту военной и гражданской

власти на всей территории Российской Восточной Краины, объединенной российской верховной властью», генерал-лейтенанту Г.М. Семенову [Протоколы допроса 1991: 183]. Хотя большинство исследователей ссылаются на этот документ как на «отречение» Колчака, это не вполне верно. В данном указе речь идет лишь о «предрешении» передачи верховной власти А.И. Деникину, но не о самой передаче¹.

Когда на юге России были получены известия о катастрофе белой государственности в Сибири и судьбе адмирала А.В. Колчака, по свидетельству А.И. Деникина, «некоторые деятели» потребовали от него «принятия соответственного наименования и функций ради сохранения идеи национального единства». Однако генерал, считая в обстановке тяжелых поражений Вооруженных сил Юга России и политического кризиса «эту точку зрения совершенно неприемлемой», отказался от принятия титула Верховного Правителя, мотивируя свое решение «отсутствием официальных сведений о событиях на Востоке» [Деникин 2006: 747]. 4 апреля (22 марта) 1920 г. под давлением генералитета А.И. Деникин был вынужден передать пост Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России генерал-лейтенанту барону П.Н. Врангелю [Врангель 2006: 388], после чего выехал за границу.

П.Н. Врангель принял назначение, издав приказ о вступлении в должность [Врангель 2006: 391]. 6 апреля (24 марта) 1920 г. заседавший в Ялте Правительствующий Сенат в составе департаментов, восстановленных на Дону, рассмотрев оба эти акта, издал указ, в котором констатировал, что «новому народному вождю» отныне «принадлежит вся полнота власти, военной и гражданской, без всяких ограничений» [Врангель 2006: 401–402]. После этого 11 апреля (29 марта) 1920 г. П.Н. Врангель принял титул «Правителя и Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России» [Врангель 2006: 411].

Летом 1920 г. к находившемуся на тот момент в Великобритании А.И. Деникину обратился А.И. Гучков с просьбой «довершить патриотический подвиг и особенным торжественным актом облечь барона Врангеля <...> преемственной всероссийской властью». А.И. Деникин, не сумевший переступить через глубокую личную неприязнь к П.Н. Врангелю, отказался подписать такой документ, оправдываясь тем, что он был бы «юридически ничтожным и государственно вредным» [Деникин 2006: 747–748].

---

¹ А.С. Кручинин, обращая внимание на этот факт, высказывал предположение, что «такого документа просто не существовало» [Кручинин 2004б]. В пользу такого вывода свидетельствует и то, что именно на указ о «предрешении» (ошибочно датируя его 2 декабря 1919 г.) ссылались в своих мемуарах и сам А.И. Деникин [Деникин 2006: 747].

6 (19) августа 1920 г., в момент наибольшего успеха десантной операции на Кубани и после подписания соглашения с атаманами четырех южнорусских казачьих войск, П.Н. Врангель принял новое звание — «Правитель Юга России и Главнокомандующий Русской армией» [Врангель 2006: 556].

После эвакуации из Крыма П.Н. Врангель титул Правителя более не употреблял: «С оставлением Крыма я фактически перестал быть Правителем Юга России, и естественно, что этот термин сам собою отпал. Но из этого не следует делать ложных выводов: это не значит, что носитель законной власти перестал быть таковым, за ненадобностью название упразднено, но идея осталась полностью» [Даватц, Львов 1923: 16].

Таким образом, А.И. Деникин и сам не принимал титула Верховного Правителя, и не передавал его преемственно барону П.Н. Врангелю. Последний, в свою очередь, использовал более скромный титул Правителя.

В существенно большей степени наследовала колчаковской государственности политическая практика антибольшевистского движения в Забайкалье и на Дальнем Востоке в 1920–1922 гг.

После получения указа А.В. Колчака генерал-лейтенант Г.М. Семенов заявил о принятии на себя верховной государственной власти на соответствующей территории [Заявление 1920], впоследствии сформировав Правительство Российской Восточной Краины. Однако вопреки указанию некоторых авторов титула Верховного Правителя (либо Правителя) Российской Восточной Краины он не употреблял, именуя себя «Главнокомандующим всеми вооруженными силами и Походным атаманом всех казачьих войск Российской Восточной Краины» [Положение о временном устройстве 1920].

К 1922 г. последним оплотом антибольшевистского движения стало белое Приморье, переживавшее динамичную и бурную политическую эволюцию. После очередного политического кризиса Временным Приамурским правительством было принято решение о созыве Приамурского земского собора, который открыл свою работу во Владивостоке 10 (23) июля 1922 г. Постановлением от 21 июля (3 августа) 1922 г. Земский собор провозгласил, что «считает необходимым и соответствующим желанию населения возглавление национальной государственности Приамурья Верховным Правителем из членов семьи Романовых, династией для сего указанным». Однако так как прибытие на Дальний Восток представителя императорской фамилии «должно было занять какой-то срок», то Собор пос-

тановил избрать на это время временного единоличного главы государства, наделив его титулом Правителя. 6 августа 1922 г. на этот пост был избран генерал-лейтенант М.К. Дитерихс [Генерал Дитерихс 2004: 55–59, 364–392]. 8 августа 1922 г. состоялась передача власти Временным Приамурским правительством вновь избранному Правителю Приамурского земского края. Указ правительства № 191, объявлявший об этой передаче, нес на себе явный отпечаток подражания актам, оформлявшим колчаковский переворот.

Оставшееся на бумаге решение Приамурского земского собора о призвании представителя династии Романовых на пост «Верховного Правителя Приамурского государственного образования» стало последним случаем использования в российском правовом дискурсе титула Верховный Правитель, а после поражения белых войск М.К. Дитерихс сложил с себя полномочия Правителя Приамурского земского края; последний его указ в этом качестве датирован 17 октября 1922 г. [Земский край 1922].

В российской истории титул Верховного Правителя остался уникальным, принадлежавшим исключительно А.В. Колчаку, став своеобразным символом апогея белого движения, его исторического творчества, надежд и идеалов.

Сокращения

ГАНО — Государственный архив Новосибирской области.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.

Архивные материалы

Дневник Гайды, командовавшего Чехо-Словацкими контрреволюционными войсками в Сибири в 1918—1919 гг.: Пер. с чешск. // ГАНО. Ф. П-5. Оп. 1. Д. 1524.

К открытию в г. Омске Временных присутствий Первого и кассационных департаментов Правительствующего Сената // ГАРФ. Ф. 3907. Оп. 7. Д. 18.

Обращение Временного Правителя к населению от 9 июля 1918 г. // ГАРФ. Ф. Р-1397. Оп. 1. Д. 9.

Открытие в г. Омске Временных присутствий Первого и кассационных департаментов Правительствующего Сената // ГАРФ. Ф. 3907. Оп. 7. Д. 18.

Объяснительная записка к проекту закона об открытии в городе Омске Временных присутствий первого и кассационных департаментов Правительствующего Сената от 3 декабря 1918 г. // ГАРФ. Ф. 3907. Оп. 7. Д. 18.

Библиография

- Агурский М.* Идеология национал-большевизма. Париж, 1980.
- Акт об отказе Великого Князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти и о признании им всей полноты власти за Временным правительством, возникшим по почину Государственной думы // Вестник Временного правительства. 1917. 5 (18) марта.
- Акт об отречении Государя Императора Николая II от престола Государства Российского в пользу Великого Князя Михаила Александровича // Вестник Временного правительства. 1917. 5 (18) марта.
- Будберг А.* Дневник // Архив русской революции. М., 1991. Т. 15.
- Вологодский П.В.* Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.) / Сост. Д.Г. Вульф, Н.С. Ларьков, С.М. Ляндрес. Рязань, 2006.
- Врангель П.Н.* Воспоминания. 1916–1920. М., 2006.
- Гашек Я.* Из дневника уфимского буржуа // Наш путь (Уфа). 1919. 14 янв.
- Гашек Я.* Дневник попа Малюты // Красный стрелок. 1919. 9 июля.
- Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987.
- Генерал Дитерихс / Сост. В.Ж. Цветков. М., 2004.
- Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921.
- Голос всероссийской власти. Гельсингфорс, 1919. Вып. 2.
- Государственное совещание: Стенографический отчет. М.; Л., 1930.
- Даватц В.Х., Львов Н.Н.* Русская армия на чужбине. Белград, 1923.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. Т. 1.
- Деникин А.И.* Очерки русской смуты. М., 2006. Кн. 3.
- Допрос Колчака / Под ред. К.А. Попова. Л., 1925.
- Журнал Правительствующего Сената от 5-го марта с.г. // Вестник Временного правительства. 1917. 10 (23) марта.
- Задачи Верховной Власти: Беседа представителей печати с Верховным Правителем адмиралом А.В. Колчаком // Правительственный вестник. 1918. 30 нояб.
- Законы, принятые Учредительным собранием // Бюллетень Всероссийского союза защиты Учредительного собрания (Объединенного комитета социалистических партий и демократических организаций). 1918. 9 янв.
- Заявление Главнокомандующего всеми вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа генерал-лейтенанта атамана Семенова // Вестник Забайкалья. 1920. 1 февр.
- Земский край (Владивосток). 1922. 18 окт.

- Зубов А.Б.* Конституционные основы правопреемства в России // Права человека в России / Межрегиональная группа «Право-защитная сеть». М., 2000 <<http://www.hro.org/editions/lections/13.htm>>.
- Ивановский В.* Государственное право // Ученые записки Императорского Казанского университета. 1895. Кн. 7/8.
- История Гражданской войны в СССР. М., 1936. Т. 1.
- Известия ВЦИК.* 1917. 8 окт.
- Иоффе Г.З.* Белое дело. Генерал Корнилов. М., 1989.
- Иоффе Г.З.* Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995.
- Иоффе Г.З.* Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983.
- К вопросу об Учредительном собрании // Сибирская речь (Омск). 1918. 10 авг.
- К населению // Правительственный вестник. 1918. 20 нояб.
- Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2001.
- Корнфилд Л.Д.* Впечатления о Колчаке и его попутчиках: Пер. с англ. // ИноСМИ.Ru. 2008. 4 янв. <<http://www.inosmi.ru/translation/238754.html>>. Первая публикация: Kornfield L.D. Impressions of Kolchak and His Followers // The New York Times. 1919. 15 June.
- Кручинин А.С.* Тайны адмирала Колчака // Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. М., 2004а. Кн. 1.
- Кручинин А.С.* Адмирал А.В. Колчак — полководец и правитель // Библиотека-фонд «Русское Зарубежье». 2004б <http://www.bfrz.ru/news/kolchak_16_11_2004/kruchinin_16_11_2004.htm>.
- Крюков В.* Колыбельная песня // Красное Прибайкалье (Верхнеудинск). 1921. 9 сент.
- Ларьков Н.С.* Армия и борьба за власть в Сибири в конце 1917—1918 гг. Дисс. ... д.и.н. Томск, 1996.
- Маннергейм К.Г.* Воспоминания: Пер. с англ. Минск, 2004.
- Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака. М., 2004. Т. 1.
- «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...»: Сб. док. / Сост. Т.Ф. Павлова, Ф.Ф. Перченко, И.К. Сафонов. М., 1996.
- М-ский Евг.* О соглашениях // Известия [Московского бюро Центрального комитета Партии социалистов-революционеров]. [1919]. Январь.
- Мы, Божьей Милостью Колчак... Плакат. Литография. Худ. В.Н. Де-ни. Казань, 1919.
- Набоков В.Д.* Временное правительство // Архив русской революции. М., 1991. Т. 1.
- Новая женеvская учебная Библия. СПб., 2002.

- Олесницкий А.А.* Государственная летопись царей иудейских, или книги забытые (*Παραλήτομενον*) // Труды Киевской духовной академии. 1879. Т. 2.
- От Временного правительства // Вестник Временного правительства. 1917. 3 (16) сент.
- Офицеры и солдаты Русской армии! // Правительственный вестник. 1918. 27 нояб.
- Плотников И.Ф.* Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность. Р. н/Д., 1998.
- Положение о временном устройстве государственной власти на территории Российской восточной окраины // Вестник Забайкалья. 1920. 4 июля.
- Правительственное сообщение // Правительственный вестник. 1918. 21 нояб.
- Прием представителей печати Верховным Правителем // Сибирская речь (Омск). 1918. 30 нояб.
- Приказ № 1—40 от 18 ноября 1918 г. // Правительственный вестник. 1918. 19 нояб.
- Протоколы допроса адмирала Колчака чрезвычайной следственной комиссией в Иркутске в январе — феврале 1920 г. // Архив русской революции. М., 1991. Т. 10.
- Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 / Отв. ред. В.И. Шишкин. М., 2003.
- Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. М., 1959.
- Рутыч Н.Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил юга России: Материалы к истории Белого движения. М., 2002.
- Ряснянский С.Н.* Воспоминания о Союзе офицеров и Быхове // Вестник первопоходника. Лос-Анджелес, 1968. № 79—80.
- Самарин Ю.* Песни уральских рабочих // Литературный критик. 1935. № 10.
- Смыкалин А.С.* Конституция Российской Демократической Федеративной Республики 1917 года // Чиновник. 2002. № 2 (18).
- Соколов Н.А.* Убийство царской семьи // Последние дни Романовых / Сост. В.П. Семьянинов. М., 1991.
- [*Сукин*] Записки Ивана Ивановича Сукина о правительстве Колчака // За спиной Колчака: Документы и материалы / Сост. А.В. Квакин. М., 2005.
- [*Тоболин*] Временное правительство и Учредительное собрание. Публ. И. Тоболина // Красный архив. 1928. № 3 (28).
- [*Филарет*] Христианское учение о царской власти из проповедей Филарета, митрополита Московского. М., 1901.
- [*Филарет*] Митрополит Филарет (Дроздов). Богом Царие царствуют // Земщина. 1991. № 1 (18).
- Филюшкин А.И.* Титулы русских государей. М.; СПб., 2006.

- Флоровский Г.* Введение в Ветхий Завет. Книги Паралипоменон, Ездры, Неемии // Альфа и Омега. 1995. № 3 (6).
- Церковный собор // Народная газета (Томск). 1918. 22 (9) нояб.; 24 (11) нояб.
- [Чтения] *А.В. Колчак* — ученый, адмирал, Верховный Правитель России: Ист. чтения, посвященные 130-летию со дня рождения А.В. Колчака. Омск, 4 ноября 2004 года / Отв. ред. В.А. Шелудяков. Омск, 2005.
- Шешунова С.* Без идеалов: На что ориентирована идея «согласия и примирения» // Гражданин. 2004. № 2.
- Шишкин В.И.* Колчаковская диктатура: истоки и причины краха // История «белой» Сибири. Кемерово, 1997.
- Шишкин В.И.* К истории государственного переворота в Омске (18–19 ноября 1918 г.) // Вестник НГУ. Сер. История, филология. Новосибирск, 2002. Т. 1. Вып. 3.
- Шульгин В.В.* Дни // Отречение Николая II. М., 1990.
- Эйнгорн И.* Союз несбывшихся надежд: Церковь и контрреволюция в Сибири // Наука и религия. 1987. № 2.
- Элиасов Л.Е.* Народная революционная поэзия Восточной Сибири эпохи Гражданской войны. Улан-Удэ, 1957.
- Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 51.
- Юнгеров П.А.* Происхождение и историчность книг Паралипоменон // Православный собеседник: Издание Казанской духовной академии. 1905. Ч. 3.
- Gajda R.* Moje paměti: Československá anabase. Zpět na Ural proti bolševikům. Admirál Kolčak. Praha, 1921.
- Legras J.* L'agonie de la Sibirie (1918–1920) // Le Monde Slave. 1928. № 2.
- Smele J.D.* Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918–1920. Cambridge, 1997.